

образовался уже какъ человѣкъ и гражданинъ *прежде*, чѣмъ выступилъ на поприще писателя. Со мною случилось иначе...» (801 стр.).

Гоголь говоритъ затѣмъ о скудости своего школьнаго образованія и недостаткѣ законченнаго нравственнаго воспитанія, заставившихъ его спохватиться объ этомъ лишь въ зрѣломъ возрастѣ. И вотъ, безъ всякой подготовки, не зная даже, что тому, чѣмъ онъ обладалъ въ качествѣ «дара» совершенно случайнаго, присвоено даже особое наименованіе «художественнаго таланта», ни о значеніи и силѣ его,—онъ выступаетъ на литературное поприще—начинаетъ «рисовать» и «забавляться»... «Чтобы развлекать себя самого, говорить онъ, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставляя ихъ въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза...» Гоголь удивился не мало, когда узналъ, *какой смыслъ* имѣютъ его невинныя шалости пера,—онъ, вѣдь, и не думалъ писать что либо въ родѣ «сатиры», и, вдругъ,—оказывается «дѣйствіе, смыслъ»... Гоголь еще не зналъ свойствъ смѣха и его значенія, какъ орудія, и потому, естественно, испугался и растерялся, когда отъ него потребовали «оправдательныхъ документовъ» его смѣха. На него произвело сильное впечатлѣніе то обстоятельство, что ему говорили, будто онъ «смѣется не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самимъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ этотъ недостатокъ», онъ никакъ не могъ примирить себѣ этихъ противорѣчій, которыя наставило ему его же собственное «безсознательное» творчество... Выступилъ онъ на свое поприще «законченнымъ гражданиномъ земли своей» (какъ онъ называетъ Карамзина), этихъ противорѣчій не встрѣтилось бы, а требованіе